

18+

АЛЛА КРАСНОВА

КТО УБИЛ

СТЕНДАП-
КОМИКА

ЛИЛЮ

КОЛЮКИ

Алла Краснова
**Кто убил стендап-
комика Лилю Колюки**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70876322

ISBN 9785006419476

Аннотация

Одна из участниц юмористического шоу «Пятнадцать туфель» Лиля Колюки бесследно исчезла, оставив невнятную прощальную записку. Детективы пытаются узнать, что с ней случилось. В этом им помогает ее дневник, в котором она делала личные записи. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кто убил стендап-комика Лилю Колюки

Алла Краснова

Редактор Татьяна Грац

Корректор Татьяна Анатольева

Иллюстратор Мария Гнедькова

© Алла Краснова, 2024

© Мария Гнедькова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-1947-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая глава

Накануне меня бросила девушка, подло, вероломно, практически ничего не объяснив. Наверное, она бы сказала, что не бросила, а ушла по-английски, но осадочек остался. Для меня, детектива с десятилетним стажем, это был почти удар под дых. Если бы она еще ушла страдать, то это было бы полбеда, но она отправилась отдыхать на море. В моей голове мелькали картинки с этого отдыха, я представлял их, хотя для того, чтобы увидеть их наяву, мне достаточно было зайти в ее социальные сети. Я не хотел это ни с кем обсуждать, да и обсуждать тут было нечего, но одно я знал наверняка: нельзя ей звонить и выяснять отношения.

«Прощай, Малика», – мысленно сказал я, пытаюсь сконцентрироваться на своей жизни, но не получалось. То и дело я начинал думать о том, что я сделал не так. Она давно настаивала на совместном проживании, но для меня, частного детектива, это было сродни потере профессии, я не могу жить с женщиной под одной крышей, занимаясь расследованиями: мухи отдельно, котлеты отдельно. И тем не менее чувство вины догоняло меня. Мне было проще принять расставание, если бы я знал, что она бросила меня не потому, что я плохой, а из-за того, что нашла себе кого-то получше. Потому что только в этом случае плохой получалась она. Чтобы не накручивать себя и не ходить по кругу, я уединил-

ся в своем архиве.

Архив – это была маленькая комнатка в моей квартире, всего восемь квадратных метров. Она была полностью заполнена маленькими шкафчиками с маленькими ящичками, где сохранились дела еще со времен моего деда, который тоже был детективом. Когда мне нужно было собраться, я приходил сюда. Атмосфера деревянного, паркетного пола и маленьких ящиков, забитых карточками с рукописным текстом, делали свое дело – я успокаивался, переводил дух. Когда мне было особенно плохо, я мог здесь даже поспать. Очень хорошо поспать на теплом, деревянном полу, чтобы перезагрузиться. В эту ночь я планировал сделать именно так.

Я любил здесь бывать, когда мне надо подумать, сама атмосфера, которую создают этот деревянный пол и эти сокровища в ящичках, заставляют меня думать правильно или не думать совсем, а чувствовать, чувствовать, чувствовать. Магнетизм этой маленькой комнатки всего в восемь квадратных метров можно сравнить только с вечерними окнами домов, в каждом из которых идет своя неторопливая жизнь со своими трагедиями и моментами истины. Тут в ящичках то же самое, только в алфавитном порядке помноженное на судьбы людей. А еще запах, его не спутать ни с чем. Я мог бы все, что находится здесь, перевести в цифру и хранить в файлах своего компьютера, но я не смогу перенести

запах в цифру.

На стене висел портрет моего деда, круглолицего, лысоватого, немного сутулого, в толстенных очках и с здоровенной лупой в руке. Одет был с иголочки: неизменный костюм-тройка и часы на цепочке, торчащие из-под жилетки темно-синего цвета. Это была картина, которую в благодарность нарисовал ему один из его клиентов. Я не думал, что когда-нибудь стану таким же великим, как он, но его портрет мне помогал. Он как будто с портрета говорил мне: «Соберись, ты сможешь».

Дед был большим профессионалом своего дела, отец моей матери, мы с ним дружили. Он рано умер, не дожив до своего шестидесятилетия всего полтора года, но я его запомнил. Я был еще слишком мал, чтобы он общался со мной на равных о делах, которые расследовал, но какие-то правила я от него усвоил. Например, научиться отпускать, когда ничего уже не можешь сделать. Сейчас я отпустить не мог.

Я уютно «свил себе гнездышко» на полу, для этих целей у меня в углу лежал огромный клетчатый плед, и начал погружаться в темное царство снов. «Только не снись мне, только не снись мне», – повторял я, надеясь на чудо. Сон начинал окутывать меня, еще бы минут пять – и я заснул бы как убитый, но тут начал звонить телефон. Я забыл, что не выключил его, оставив на кухне. Я надеялся, что сейчас он замолчит. Последнее свое дело я закрыл всего неделю назад,

поэтому надеялся еще хотя бы неделю потратить на то, чтобы переварить его. Это было сложное, запутанное дело, связанное с деньгами, а всегда, когда дело касается денег, приходится выкладываться по-полной.

Люди, когда дело касается денег, очень расчетливы и планируют преступления так, что нам, детективам, нужно очень-очень постараться, чтоб их распутать.

Телефон не унимался. Я настороженно ждал, когда телефон замолчит, и наконец через две минуты наступила долгожданная тишина. Я не хотел вставать, чтобы сохранить настройки на сон с последующим переходом в новое состояние, освобожденное от фокусировки на мою женщину. И только я закрыл глаза, надеясь уснуть, как телефон зазвонил снова. Я был зол, и мне ничего не оставалось, как встать и пойти посмотреть, кто мне звонил.

Звонила Далила, это была моя новая напарница. Меня познакомили с ней только недавно и, честно говоря, мне ее навязали. Поговаривали, что наше агентство принадлежит ее дядьке, но я не вникал в подробности. Я почти был уверен, что она сама сбежит от меня после первого же дела.

Кодекс чести требовал, чтобы я ей перезвонил сам, все-таки два пропущенных вызова игнорировать было сложно. Я посмотрел на часы – 21:05. Надо было звонить, но и тут она опередила мое намерение. Телефон зазвонил прямо у меня в руках, и на экране высветилась ее фотография с именем: Далила Дворжецкая.

– Ты знаешь, что пропала Лиля Колюки?! – практически сразу выпалила она.

– Нет, – быстро ответил я. – А кто это?

– Стендап-комик. Ее тетка сегодня утром обратилась в наше агентство, я хочу взяться за это дело.

Я скептически хмыкнул.

– А других желающих не нашлось? Этим вообще-то должна заниматься полиция.

– Она и занимается, только толку-то, уже неделю ищут. Она подозревает, что Лилю «убрали» черные риелторы, которые интересовались ее квартирой.

Я вздохнул.

– Мне не хочется брать это дело, – твердо сказал я. – Думаю, что полиция расследует его лучше, чем мы.

Я уже хотел положить трубку, но Далила не собиралась сдаваться.

– Давай я приеду, и мы обсудим его с тобой. Не спеши с выводами, пока не узнаешь всех деталей.

– Ну приезжай, – уныло сказал я, но тут же пожалел об этом. Сказанное слово ведь не воробей, вылетел – не поймешь.

Я решил подготовиться. Я запомнил имя пропавшей женщины, которое Далила назвала, но изначально думал, что она сказала – Лилия Калюка, потому что калюкой называли древний русский музыкальный инструмент, что-то вроде те-

перешней флейты.

Я полез в интернет, и действительно новость о том, что пропал стендап-комик, уже просочилась в СМИ, это была Лиля Колюки. Она, судя по всему, не была известным комиком, и даже новость о ее пропаже не вызвала особого общественного резонанса. Через поисковик всплыло несколько видео, где она выступала не одна, а в составе группы, которая называлась «Пятнадцать туфель». Это было юмористическое шоу, состоявшее из восьми участниц. Особенно меня поразила заставка этого шоу, где разноцветные туфли сыпались с потолка, сбегались участницы, спешно надевали их, и одной из участниц не хватало туфли. Она озиралась по сторонам и хваталась за голову, рьяно изображая замешательство. На этом заставка заканчивалась.

Под видео было немного комментариев, в основном их писали сами участницы, но были и те, кто выражал подлинное сочувствие о том, что Лиля Колюки пропала. Это были единичные комментарии.

Я отвлекся от видео, мне нужна была передышка. Я включил кофемашину, чтобы сделать себе капучино. Время было позднее, но я его не чувствовал. Посмотрев на часы, встроенные в кофемашину, я увидел, что уже 22:15.

«Неужели Далила действительно придет в такое позднее время?» Мысленно я представил, как она садится в машину и едет ко мне. Ее портрет начинал понемногу прорисовываться. Значит, все-таки расследования для нее не просто

блажь, а дело жизни, раз она готова в любое время ехать ко мне, чтобы обсудить детали.

Я оглядел кухонную комнату. Нельзя сказать, чтобы у меня был беспорядок, но все же прибраться стоило. Я люблю это делать сам, это позволяет отдохнуть и сконцентрироваться на деле одновременно, но именно в этот момент уборка не входила в мои планы. В принципе, я не люблю, когда ко мне домой приходят женщины, это не то место, где бы мне их хотелось видеть, но Далила была не совсем женщина, точнее я так не воспринимал ее, она была моим новым напарником, которого я хотел узнать получше. Изначально, когда мне ее представили, я был не в восторге. Она показалась мне очень напыщенной, всюду сующей свой нос и очень молодой, как будто ей еще не было двадцати пяти. С каким же удивлением я узнал, что ей тридцать пять, то есть она на три года старше меня, но выглядела, как отчаянный подросток со своей ультракороткой стрижкой и объемными рваными джинсами.

Глотнув свежесваренный капучино, я уселся на стул и снова припал к ноутбуку, пытаюсь навести справки о Лиле Колюки. Я снова нажал стрелочку под видео и перемотал до тех пор, пока не начнется ее выступление. Она выступала шестой. Ее выход сопровождался аплодисментами, которые явно были наложены на видео. Лиля выглядела эффектно. Она сильно контрастировала со всеми другими участницами этого женского коллектива, и несмотря на свой молодой возраст – двадцать девять лет – выглядела старомодно.

Она выглядела так, как будто очень заморачивалась на эту тему: отпаривала полдня эти брюки со стрелкой, этот салатный жакет, эту лиловую блузу. Кроме того, на ее ногах были туфли, в то время как все другие участницы выглядели более расслабленно в кроссовках и кедах. Лишь одна из них была на шпильках.

Я не понимал, является ли этот образ сценическим, или он перенесен ею на сцену из жизни, но она явно выделялась из всех. Лиля была очень крупной и шутила про лишний вес, как и все стендап-комики с лишним весом. Первым ее выступлением, что я увидел, были шутки на эту тему:

– Привет, народ! – радостно поприветствовала она людей в зале. – Значит, сейчас будет про «обрыдло». Кто знает, что такое «обрыдло»?

В зале послышались смех и возгласы.

– Что? «Корыто», «быдло»? Нет, я сегодня про обрыдло. На самом деле вы все знаете, что такое обрыдло. Короче, мое «обрыдло». Подруга заявила: хочу, говорит, чего-нибудь травяного цвета, это хит сезона. Я такая думаю: она еще что-то может выбирать, гадина. Вот я, например, какой мне травяной цвет? «Бери во что влезешь» – вот мой девиз! Тут уже не до выбора. Если застегнулась – благодари всевышнего, если нет – хай поставщиков и директора магазина. Поэтому я ей говорю: «сейчас же май?» Она говорит: «май». Вот и иди, говорю, не майся дурью, изваляйся в траве, будешь травяного цвета, при этом прилично сэкономишь, и все натураль-

ное. Она на меня так посмотрела! Хорошо хоть я сказала, что у меня чай травяной остался, только что заварила, облейся – и сразу в тренде.

В зале раздавались искусственный хохот и аплодисменты. И в этот же момент позвонила в дверь Далила, несколько раз, как будто боялась опоздать на собрание.

Я открыл дверь.

Передо мной стояла очень энергичная, коротко стриженная Далила Дворжецкая, стройная брюнетка, в облике которой все выдавало перфекционистку. В руках у нее была пицца, а еще пакет, небольшой чемоданчик и сумка через плечо.

– Привет, Вильгельм! – радостно произнесла она. – Вот, решила взять с собой пиццу, чтобы было чего пожевать. Сидеть ведь всю ночь, – озадачила она меня с порога. – А в чемоданчике сменное постельное белье, ведь мне придется заночевать у тебя.

«Однако», – подумал я, пытаюсь сохранить невозмутимость.

У меня сложилось впечатление, что она с таким объемом вещей решила погостить у меня как минимум неделю. Кроме того, она единственная, кто называл меня полным именем – Вильгельм, потому что коллеги меня называли Вилли, а родственники предпочитали называть по-отечески – Гена.

Вид у Далилы был астенический: короткая, но модная

женская стрижка, неизменные серьги-пусеты, на левом ухе – одна, а на другом – много, маленький блестящий пирсинг в носу. По всей видимости, бриллиант, но я этого у нее не уточнял. Мне вообще было странно, как эта маленькая хрупкая короткостриженная женщина вмещала в себе столько женственности, особенно когда начинала говорить или жестикулировать. А жестикулировала она много, что говорило о ее яркой эмоциональности. Глаза у нее были темные узкие, но очень подвижные, в них я видел тысячи оттенков чувств, когда она что-то начинала рассказывать.

«Наверное, пьет снотворное перед сном, – подумал я, – ведь надо же ей как-то усмирять свою эмоциональность».

Но и тут меня ждал сюрприз. Как оказалось, Далила усмиряла ее по-другому: была еще той бегуньей, участвовала в соревнованиях по легкой атлетике. И я просто не знаю, сколько километров она пробегала. По всей видимости, чрезвычайно много, но при такой комплекции это было и неудивительно. Казалось, что, если она пойдет побыстрее, то взлетит, несмотря на отсутствие крыльев.

Как-то недавно в офисе она посмотрела на моего коллегу, который имел неосторожность похвастаться количеством шагов, пройденных за день. Эта отметка о шагах была в его телефоне. Далила ничего не сказала, но по ее очень эмоциональному лицу было видно, что это просто детские шалости. Надо отдать ей должное: она даже презрительно не улыбнулась, – казалось хорошее воспитание и самоограничения,

которые она воспитала в себе сама.

Она была не похожа этим на меня, добровольного домоседа. Я старался не расплескивать энергию: «Ну а зачем? Пойду на улицу, убьют меня, и куча дел так и останется нераскрытыми, не смогу помочь людям». Я слишком много вложился в свой мозг и в свое детективное дело, чтобы так рисковать. Поэтому даже выход за хлебом считал изнурительной, не требующей моего внимания процедурой, все заказывал на дом. Пусть курьер оставит возле порога, потом заберу.

У меня дома Далила вела себя как у себя дома, но не нарушая мои границы. Она ничего не высматривала, не рассматривала в квартире, а вела себя просто и естественно. Поставила пиццу, быстро разулась, прошла на кухню. Я предложил ей кофе, и она согласилась. За первые пятнадцать минут, проведенных у меня дома, она успела кратко ввести меня в курс дела, рассказав о тетке Лили Колюки, которая обратилась в наше агентство.

– Меня удивило, что никто из наших детективов не хочет браться за это дело, – возмутилась Далила, всплеснув руками.

Я пожал плечами, хотя для меня это было совершенно неудивительно, ведь детективы в нашем отделе предпочитали что-то более привлекательное с точки зрения сложных ходов и запутанных историй. А тут что-то непонятное, точнее

невнятное. Вполне было возможно, что через неделю-другую девушка объявилась бы сама, ведь ни тела, ни признаков похищения не было.

– А что тебя привлекло в этом деле? – спросил я.

– Мне кажется, у нее сложный характер, – неожиданно ответила Далила.

– У пропавшей женщины? – переспросил я.

– Да, – твердо ответила Далила.

«А она не так проста, как кажется», – подумал я о Далиле. Меня привлекло не то, что она сказала, а что она ответила на мой вопрос, ни секунды не подумав. Она не вешала длинных пауз и говорила то, что думает. Неожиданно для себя я отметил, что мне с ней комфортно будет работать.

И чем больше я с ней общался, тем больше понимал, что все-таки возьмусь за это дело. Мне еще мой дед, большой детектив, говорил, что дела притягиваются к нам по распределению сверху. Если к тебе притянулось дело, значит, ты готов, оно тебе нужно.

Все последующее время мы смотрели видео с Лилей Колюки и анализировали ее поведение, пытаясь составить психологический портрет. Особенно мне запомнилось одно видео:

– Так, я буду не стендап-комик, если не поговорю с вами про секс, – сказала Лили Колюки со сцены.

(Хохот)

– Да-да, вечная тема, его величество – секс. А ну-ка, похлопайте, у кого он есть? – в зале раздался грохот аплодисментов. – Спасибо, мне еще так ни разу не хлопали. Может, я пошла не по той дорожке? (Смех в зале) Ну что, аплодисментов много. Хорошо живете! А теперь похлопайте, у кого его нет.

(Пауза, редкие аплодисменты)

– А что так хиленько, а? Вот девушка, почему у вас нет? Что? Любовь ждете? Это хорошо, и сколько ждать будете? А, еще время есть... Вот, наша беда в том, что мы думаем будто время еще есть, что мы еще все успеем. А что, если вдруг мы умрем, а так ни разу и не отдохнули.

(Хохот в зале)

Мы с Далилой переглянулись. Этот монолог не вызвал особой симпатии, под видео было мало комментариев и немного лайков, в них больше обсуждали другую участницу. Но учитывая, что Лиля Колюки пропала, эти слова сейчас звучали мистически честно, хоть и совсем не смешно.

Вторая глава

Нежиться в своей теплой постели мне пришлось недолго. Уже в восемь утра Далила разбудила меня, одетая и готовая к новым свершениям. Это было для меня удивительно, потому что все мои женщины – кто был здесь раньше – вставали с грохотом, с жужжанием фена, со звоном столовых предметов, шумом воды в ванной, с шуршанием целлофановых пакетов. Потом еще полчаса красились, потом искали что надеть и гремели шагами. Именно поэтому я был не готов впускать в свою квартиру никакую женскую особь. Далила же собралась без шума и пыли. Я вообще не слышал, как она это сделала. До трех часов мы с ней обсуждали Лилю Колюки и смотрели ее стендап-выступления. Потом я пошел спать, оставив Далиле спальное место на диване, который располагался на кухне. А в восемь утра она была уже готова выезжать.

Мы хотели съездить в квартиру Лили Колюки, чтобы собрать как можно больше информации о ней, потом мы собирались встретиться с ее теткой – Тамарой Исааковной Мануловой. Примечательно, что такая же фамилия была и у самой Лили, а Колюки – это был сценический псевдоним.

– Я сделала кофе, – сказала Далила, стоя с кружкой черного кофе, от которого еще шел пар. – И тебе тоже сделала. Ты любишь капучино?

– Да, спасибо, – сказал я ей, еще лежа в постели.

Я не могу сказать, что мне было неудобно предстать в лежачем положении перед коллегой, но все равно элемент неловкости сохранялся. И только она вела себя расслабленно.

– Я сейчас оденусь и выйду, – сказал я.

Она кивнула.

Дверей в мою комнату не было изначально, никто же не предполагал, что у меня будут ночевать коллеги. Я быстро принял душ и собрался. Но тут Далила ошарашила меня еще одной новостью:

– Пока ты был в душе, мне звонил Артем Томич, ну тот, который из отдела криминалистики, помнишь его?

– Помню, – ответил я.

– Ну так вот, в квартире Лили Колюки нашли следы крови на письменном столе, немного, и прощальную записку. И пока мы в ее квартиру попасть не сможем, там идут следственные действия.

– А что в записке? – спросил я.

Далила подошла ко мне и показала фотографию клочка бумаги, на котором были написаны две странные строчки, причем нельзя сказать, что это был связный текст, потому что каждая из сточек как будто жила своей собственной жизнью.

Мы были в замешательстве, не понимая, что делать дальше. Но решили все же позвонить ее тетке.

– Нам нужно поговорить с ее теткой, – предложила Далила. – Заодно спросим, где Лиля бывала еще, кроме своей квартиры.

– Отличная идея, – ответил я.

Разговор с теткой Лили Колюки длился недолго, хотя дозвониться до нее получилось с первого раза. Она была не готова ко встрече с нами, сказав, что прямо сейчас уезжает по делам в другой город. Она отвечала короткими словами и была не в настроении поддерживать разговор, как будто речь идет не о ее племяннице, которую она искала, а о постороннем человеке.

– У Лили в собственности только одна квартира, в которой она проживала? – спросила Далила.

– Да, только эта, – ответила Тамара Исааковна.

– Она часто бывала у родственников? – спросила Далила.

– За последние десять лет не бывала. Общалась только со мной иногда, а с матерью они уже давно не общаются. Я уже отвечала на эти вопросы, – недовольно пробурчала тетка Лили.

«Спроси, есть ли дача, загородный дом или что-то такое», – тихо сказал я Далиле.

– У нее есть загородный дом или дача? – спросила Далила по моей подсказке.

– Есть, – через паузу ответила ее тетка. – Только там никто не бывает. Это ее бабушки, – ответила Тамара Исааковна.

Разговор с ее теткой шел тяжело, и когда он закончился,

то Далила выдохнула с облегчением.

«Какой трудный человек!» – отозвалась Далила о ней. И тем не менее в результате этого диалога у нас на руках появился адрес дачного дома, куда Лиля Колюки, а точнее Лилия Манулова, могла приезжать.

Этот дом, как нам удалось узнать, принадлежал ее бабушке, с которой она проживала. Четыре года назад бабушка умерла и завещала ей свою квартиру. Дачный дом был поделен между ней и единоутробным братом, который жил с ее матерью и отчимом в другой квартире. Дачный дом, по утверждению ее тетки, был заброшен и никому не нужен. Земельный участок, на котором он был расположен, тоже особой ценности не представлял. И все же мы с Далилой решили поехать туда, поскольку в ее квартиру мы попасть не могли в течение еще нескольких дней.

Далила была за рулем, и это радовало меня, потому что мне нужно было подумать. И это бы у меня получилось, если бы Далила то и дело не вставляла в мое задумчивое молчанье свои вопросы.

– Интересно, а что мы там хотим увидеть? – спросила она.

– Не знаю, – через паузу ответил я. – Есть некоторые вещи, которые просто надо делать, если к этому есть стремление.

– Интересно, а оно у нас есть? – спросила Далила.

– Что?

– Стремление.

Я небрежно махнул рукой, заканчивая эту тему.

– Лучше спроси, проедем ли мы туда, все-таки март, сугробы и снег, – сказал я.

– Проедем, у меня все-таки джип, – улыбнулась Далила.

Мне показалось, что она хочет показать себя как очень крутого водителя, но мне не хотелось этого видеть и тем более в этом участвовать. Поэтому я попросил ее не «лихачить» и даже не пытаться проехаться там, где проехать пока невозможно из-за снежных сугробов.

– Что ты думаешь о ее «прощальной» записке? – спросил я.

– Не знаю. Странная она какая-то, – ответила Далила, подтвердив мои мысли.

– Это да.

Две странных строчки, написанные на оторванном листке бумаги и оставленные на ее письменном столе:

«Этот мир как шарик, наполненный железобетоном.
Он преследует меня».

Из этой записки сложно было понять, о чем она пишет и кто ее преследует. Поскольку Лиля Колюки была стендап-комиком, то вполне могла писать что-то еще, например, стихи или их подобие. Это просто две строчки, которые слабо тянули на прощальную записку, но поскольку Лиля Ко-

люки пропала, то рассматривались все версии.

На удивление мы доехали благополучно, нигде не забуксовав и не увязнув по дороге. Это произошло по чистой случайности, потому что дорогу расчистили буквально сутки назад и ее еще не успело занести снегом, а такое, как я узнал из интернета, бывает редко.

– Это тот самый дом? – спросила Далила, выходя из машины.

– Вроде так оно и есть, – сказал я, посматривая на навигатор в своем телефоне.

Я предусмотрительно взял с собой из дома лопату, чтобы расчистить дорогу или прокопать ее к дому. Дом был маленький, одноэтажный. Было видно, что в нем никто не живет. Чтобы пробраться к нему, нам пришлось перемахнуть через забор. Далила сделала это легко, но потом провалилась в снег почти по пояс и тут же вынырнула оттуда. Ее светло-сиреневый пуховик выглядел ярким пятном посреди белого снега.

Вначале я перекинул через забор лопату, потому что прыжки с шестом не входили в мои планы. Сам я, впрочем, тоже перемахнул через забор довольно ловко, но только для того, чтобы не потерять перед Далилой лицо... и ботинки, которые боялся оставить в снегу.

Мы пытались ходить вокруг дома, утопая в снегу, чтобы попасть внутрь помещения. Дело казалось патовым. Если

в Москве погода была почти плюсовая, и снега почти не было, то за городом картина была совершенно другая. Далила замерзла, я тоже. Но никто из нас не готов был сдаваться.

– Надо разбить окно, – сказала Далила. – Дай мне лопату, – безапелляционно сказала она.

Дом был деревянный, как будто перекошенный, окна держались на честном слове.

– Попробуем войти через дверь, – сказал я, совершенно не понимая, что это была гениальная идея.

Наверное, мы бы могли заранее найти ключи от дома, но это заняло бы много времени, потому что у тетки Лили Колюки их не было. Еще наше пребывание тут омрачал тот факт, что нас могли арестовать за взлом и вторжение в частную собственность, хоть это было и маловероятно.

Я подошел к двери и потолкал ее. Она была закрыта, но держалась хлипко, я толкнул ее не один раз. Далила крикнула мне: «Отойди!», – и с разбега, который могла позволить себе ввиду сугробов, атаковала ее с ноги. Ничего не вышло. Я потолкал дверь еще раз, а потом еще и еще, и в конце концов обветшалость конструкции сделала свое дело, дверь сдалась под нашим общим напором.

Внутри было тихо и холодно, но достаточно чисто, как будто кто-то навел порядок. Ближе к окну стоял деревянный стол, рядом с ним был холодильник, а на нем – микро-

волновка. Нас удивило, что в доме проведено электричество. Похоже, что кто-то тут бывал, хоть и редко.

У нас было мало информации, мы и сами не знали, зачем конкретно приехали, потому что тут никого не было. Мы, возможно, действовали по наитию, потому что других вариантов у нас пока не было.

«Холодно», – ежась от холода, сказала Далила.

Здесь и вправду было не намного теплее, чем за окном.

– Может, спустимся в подвал? – предложил я.

– А он тут есть? – удивилась Далила.

– Ну что-то же должно быть? – произнес я, имея в виду, что размеры дома слишком маленькие и у таких домов обычно бывает какое-то продолжение внизу.

Мы обшарили все в доме и действительно нашли небольшую дверцу на полу, ведущую в подвал. Далилу туда я пускать боялся. Я потянул на себя деревянную дверцу и посмотрел в темное пространство внизу, освещая его светом своего фонарика с телефона. Далила вздохнула, и через ее вздох я почувствовал, что она очень напряжена.

– Там, наверное, нет ничего, – предположил я. – Он совсем маленький, но есть деревянная лестница. Не знаю, насколько она надежна.

– Может, спустимся? – предложила мне Далила.

Я боялся, что лестница не выдержит моего веса, да и веса Далилы тоже, поэтому отказался от этой затеи.

– Лучше сообщим в полицию, – сказал я ей, – и они все

проверят сами.

Мы уже собирались уходить, но тут Далила почему-то замешкалась. Напоследок она решила еще осмотреться.

– Подожди, – услышал я ее глухое слово, когда она подошла ко второй части дома, разделенной шкафом. – Да не может этого быть! – воскликнула она.

Я тут же подошел к ней. Далила сидела на деревянной кровати, которая была застелена старым, синим в клеточку одеялом без пододеяльника, а в руках у нее были две тетради.

– Это записи Лили Колюки! – воскликнула Далила.

Я оглядел комнату.

– А где они были? – спросил я.

– Прямо здесь, на кровати, под одеялом, – взволнованно сказала она.

И действительно, все выглядело так, как будто эти тетради никто не прятал. Они просто лежали здесь, как будто Лиля сама их туда положила, чтобы перечитать на сон грядущий или что-то в них записать.

Мы так и не поняли, дневники это или черновики, потому что там шло все вперемешку, но иногда стояли даты. Последняя была 23 декабря 2023 года, то есть за два месяца до ее исчезновения, а значит, она была тут совсем недавно. Теперь у нас в руках была такая ценная информация, которую еще предстояло изучить и расшифровать.

Одна тетрадь была в клетку, на пружине, там было девять-десять листов, но часть из них была вырвана. Облож-

ка была темно-красной с огромной салатовой машиной, которая была размыта, потому что мчалась на большой скорости. Скорее всего, Лиля купила первую попавшуюся тетрадку, которая ей подходила по объему, потому что обложка была вполне стандартной, если не считать цвета автомобиля, который был ровно такой, как на заставке шоу «Пятнадцать туфель», где она участвовала. А вторая тетрадь была объемом в половину меньше, с обложкой зеленого цвета.

Они все были исписаны ее неровным почерком. Очень часто в тетради было написано ее имя. Вероятно, чтобы снять напряжение, она писала свое имя. Но меня привлекла больше первая страница, где рядом с ее сценическим именем – Лиля Колюки – стояло еще одно – Лиля Манулова, то есть ее настоящее имя, где были подчеркнуты двумя линиями первые четыре буквы фамилии, как будто она хотела зацепиться за деньги, которых у нее не было.

– Наверное, она хотела написать монолог и пошутить на эту тему, но ничего не придумала, – предположила Далила, разглядывая эту запись в ее дневнике.

– Может быть, – тихо произнес я.

Мы с Далилой зависли над ее дневником, забыв о времени.

Лиля Колюки, по всей видимости, хотела написать текст для стендап-выступления, но ее записи разобрать было трудно, потому что писала она его для себя, а не для нас. Почерк у нее был неровный, но иногда он становился почти идеаль-

ным, как будто она старалась и писала за столом в тишине, в одиночестве, когда никто не мешает и спешить некуда. Иногда записи прерывались, были зачеркнуты, даже замалеваны, кое-где мы видели обычные девичьи рисунки в виде узоров, сердечек и смайликов, нарисованных синей ручкой.

– А зачем она взяла такой псевдоним – Колюки? – спросил я у Далилы. – Я знаю, что калюка – это древний музыкальный инструмент. Ты думаешь, она его имела в виду?

– Не знаю, – пожала плечами Далила. – Может быть, им она хотела подчеркнуть свою «колючесть». Или то, что ее «колюки» в добрых руках могут стать музыкой для души, а? – очень наивно Далила посмотрела на меня.

– Ты слишком глубоко копаешь, – заулыбался я. – Мы вряд ли сможем залезть к ней в голову. Вполне возможно, что она это сделала без всякой идеи, а просто сочла это имя «прикольным» или забавным, или запоминающимся. Мне вообще в ее псевдониме – Колюки – слышится созвучие с фамилией Патаки или Сваровски. Возможно, ей просто хотелось оригинальности, чтобы быть не такой, как все.

На обратном пути за рулем уже был я, а Далила сидела на заднем сиденье, прижав к груди дневники Лили Колюки. Вначале мы ехали молча, пытаюсь осмыслить это событие, а потом она открыла дневник и стала зачитывать записи, которые могла разобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.